

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В НАЧАЛЕ XX И XXI ВЕКОВ

О. Н. Квасов

Воронежская государственная лесотехническая академия

Поступила в редакцию 24 ноября 2008 г.

Аннотация: в статье обсуждается общественное восприятие феномена терроризма и влияние на процесс восприятия средств массовой информации.

Ключевые слова: дискурс, терроризм в XX и XXI вв., дефиниции терроризма.

Abstract: the article is devoted to the perception of terrorism in modern society and the influence of mass media on the process of perception.

Key words: discourse, terrorism in XXth and XXIth centuries, definitions of terrorism.

Семь лет мировое сообщество ведет «войну с терроризмом». Войну большинству граждан незаметную, но тяжелую и бесперспективную. Первоначальный порыв единодушия и поддержки сменился сомнениями, а то и прямой критикой. Окончания войны не предвидится, но она уже изменила облик мира, пересмотрела содержание демократических институтов, инициировала ряд «управляемых конфликтных зон» на карте мира. Изменилось и общественное восприятие самого феномена террора. Характер этого изменения проанализирован и представлен в предлагаемой статье.

Общеизвестно, что уже длительное время не удается выработать оптимальное определение «террора». Причины этого кроются в политических и юридических разногласиях, различии дефиниционных элементов, а также в широком смысловом содержании этого понятия. Само слово «террор» и производные от него могут трактоваться в философском, морально-этическом, психологическом и прочих многочисленных смыслах. Так, М. Рыклин философски широко определил суть террора — «то, от чего нельзя уклониться простым усилием воли» [1, с. 7]. Такое содержание уступает размаху понимания лишь первичному, латинскому значению слова «terror» — страх, ужас.

Конечно, наиболее часто понятие «террор» употребляется в политическом значении. В таком случае террор может рассматриваться и как характеристика общественно-государственных взаимоотношений, основанных на страхе, и как способ, тактика и стратегия всевозможной направленности группировок в политической борьбе («терроризм»). В правовом понимании данного термина нюансов и различий еще больше. Так, собственно «террористический акт» — это посягательство на жизнь государственного или об-

щественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности (ст. 277 УК РФ). Однако такие распространенные способы террористической борьбы, как захват заложников (ст. 206), угон воздушного или водного транспорта (ст. 211), совершение диверсий (ст. 281) — это преступления уже другой квалификации [2, с. 421].

Авторитетный исследователь Алекс Шмидт выделил шкалу повторяемости ключевых элементов 109 определений терроризма, данных учеными. Наиболее важным для характеристики этого понятия ученые считают «насилие, применение силы» (83,5 %), второй употребляемый элемент оказался качественным — «политический» (65 %), на третьем месте акцентирование «подчеркнутого страха, террора» (51 %). Близко к этому показателю по значению оказались элементы психологического содержания «угроза» (47 %) и «влияние, ожидаемая реакция» (41,5 %). Кроме прочих 22 элементов к категориям выраженного психологического содержания могут быть отнесены и следующие: «необычность, отсутствие ограничений по соображениям гуманности» (30 %), «запугивание» (17 %), «символический аспект» (13,5 %), «неожиданный характер проявления насилия» (9 %) [3, с. 42]. В целом, исследователи приходят к выводу о невозможности выработать универсальное определение феномена «террор/терроризм». При этом все солидарны в мнении о том, что «выработка единых стандартов в освещении темы терроризма также способствовала бы прекращению взаимных обвинений в применении «двойных стандартов» [4]. Известный терроролог Брюс Хоффман, констатируя это, предлагает: «Если найти определение терроризма невозможно, то мы можем, по крайней мере, успешно отделить его от прочих видов насилия и выделить характерные особенности. Тогда терроризм можно будет считать отдельным и самостоятель-

ным проявлением политического насилия, каковым он и считается» [3, с. 41]. Однако и при таком варианте анализ принимает более или менее скрупулезный описательный характер с наличием ретроспективных и типологических сравнений и сопоставлений.

Использование террористического лексикона связано с политическими событиями во Франции конца XVIII века. Первоначально термин *terror* вошел в употребление как обозначение политики правящей партии или государства, базирующейся на акцентированном массовом использовании репрессий и насилия против личности или оппозиционной государству группы. Тогда же и в таком же значении появился английский вариант этого слова — «терроризм». Так, в своих воспоминаниях о правлении Павла I (1796—1801) фрейлина императорского двора могла сказать: «Справедливая свобода каждого была поработана особым терроризмом. Нельзя было дышать свободно от многочисленных правил этикета и ложных знаков почтения. Каждый раз, встречаясь с Государем на улице (а это случалось постоянно), приходилось не только останавливаться, но и выходить из экипажа, какая бы погода ни была. Одним словом, все, до шляп включительно, носило печать стеснения» [5, с. 65]. В современном значении эти два слова, *terror* и *терроризм*, уже противопоставляются. Террор является инструментом государственной политики, тогда как терроризм означает некую негосударственную, революционную или другую, но антиправительственную деятельность. В то же время смысловая грань между террором и терроризмом предельно условная.

Террористический разгул периода первой российской революции 1905—1907 гг. породил и массовое злоупотребление этими словами. Терроризм становится бытовым явлением, к концу революции его использование все более смещается в сторону исключительно уголовных преступлений, а широта употребления слова — вплоть до использования в качестве кличек животных. Этому способствовала не только террористическая активность, но и неопределенность границ понятия. Даже в Департаменте полиции, государственной структуре, борющейся с боевиками, не вполне представляли сути терроризма, если квалифицировали его как «...всякие убийства, ранения и бросания взрывчатых снарядов, но без корыстной цели» [6]. Более конкретизировать содержание понятия терроризм не имело смысла в условиях массовой революции. Правительство отчаянно сопротивлялось и любую оппозицию стремилось просто уничтожить, нежели вступать с ней в дискуссии, благодаря чему в значительной мере и уда-

лось подавить революцию. В свою очередь, и террористы не стремились обязательно обосновывать свои террористические акции. Любое убийство государственного служащего, полицейского или жандарма воспринималось однозначно и никакого объяснения не требовало. В обстановке массового революционного психоза теракт являлся и действием и текстом, он становился театральной постановкой, мораль которой всем известна, сюжет предопределен, но которою зрители смотрят веками. Именно о таких событиях Ю. М. Лотман сказал: «Непредсказуемость замечается в сознании наблюдателя закономерностью. С его точки зрения, выбор был фиктивным, «объективно» был предопределен всем причинно-следственным движением предшествующих событий» [7, с. 23]. Такая террорологическая условность была в интересах правительства, так как по положениям военно-полевых судов под высшую меру наказания позволяла подвести огромный спектр уголовных и политических преступлений, не вдаваясь в юридические подробности и комментарии, обосновывая лишь одной антитеррористической целесообразностью. История столетней давности парадоксальным образом повторяется в современных условиях.

Сегодня ряд исследователей отмечают, что психологические и дискурсивные аспекты террора и терроризма начинают превалировать над собственно действиями террористов. Общественно-политический дискурс становится важнейшим каналом, транслирующим это отношение. Такая ситуация сложилась постепенно, не в последнюю очередь, благодаря чрезмерному и акцентированному употреблению этих слов. Используя террористическую лексику в широком смысле, без конкретизации и содержания, СМИ тем самым расширяют рамки возможного употребления, глубину охвата и значение этих понятий. Слова тридцатилетней давности с особой актуальностью можно привести и сегодня: «Терроризм получил так много внимания масс-медиа, что он превратился в зрелищный спорт для публики... Современный терроризм — это театр» [8, с. 61]. Более того, можно с полным основанием утверждать, что важнейшим конструктивным отличием современного терроризма от вековой давности является широкое масс-медийное его освещение. Типы структурных подразделений боевиков, технические средства (с коррекцией научный прогресс), акценты на общественное мнение, даже методы антитеррористического противодействия фактически не изменились. В гигантских масштабах изменилось информационное сопровождение террористических актов, что значительно расширило тактико-стратегические возможности террористов и сместило акценты.

Если до XVIII в. терроризм существовал в форме политических убийств, а с XIX в. его использовали и как государственную политику и как форму антигосударственной политической борьбы, то с начала XXI в. феномен «террор/терроризм» используется для формирования в общественно-политическом поле условий напряженности, страха и силовой управляемости. Языковая семантика террора служит средством конструирования и утверждения государственной идеологии, определяющей общественное мышление.

Так, исследователь Е. Сальников, проведя контент-анализ употребления слова «экстремист» в российской печати, пришел к выводу, что «экстремизм как феномен масс-медиа есть мифология врага власти, коварного и многоликого, бесформенного ровно настолько, насколько это необходимо медиакратии, чтобы навешивать ярлыки, создавать необходимое восприятие событий» [9, с. 57]. В отличие от категории «экстремизм», террористические понятия имеют более широкую качественную и употребительную вариативность, что создает еще большую неопределенность и путаницу от юридического до бытового характера. Тем самым смысл террористических понятий, сужая свою конкретность, расширяет до неопределенности свое содержание и значение. Весь комплекс общественно-государственных отношений участвует в насыщении этого понятия смыслом. На современном этапе при росте значения демократических институтов и гражданского влияния на политику, именно политико-дискурсивное давление на общество террористической проблематикой играет огромную роль.

Так, за последние несколько лет, не имея реальной конкретизации, а тем более правового оформления, неопределенное понятие «война с терроризмом», изменило российскую и мировую политику. Правительство США, свободно применяя обвинения в терроризме и террористической сопричастности, осуществляет политику давления и диктата по всему миру и в разнообразнейших вопросах. Обвинение любого субъекта в терроризме, будь то страна или организация, влечет катастрофические последствия для адресата. При этом «назначаемая» территория в рамках американского подхода к политизации дискурса не сохраняет образ врага, он перераспределяется в направлении террористов, тренирующихся, временно проживающих, получающих финансовую или иную помощь, но не осуществляющих политическую деятельность на этой территории. По сути дела происходит десувверенизация» [10]. Таким образом, использование террористической проблемы позволяет пра-

вительству США силовым путем конструировать новый мировой порядок, менять десятилетиями складывавшиеся нормы международного права.

Антитеррористическая риторика привела к существенным изменениям и в российской политике. Аргументируя необходимостью борьбы с терроризмом, отменена выборность губернаторов, осуществлен переход к пропорциональной системе выборов в Государственную Думу, ограничивается возможность гражданского участия в формировании муниципальных органов власти и деятельность общественных организаций. Все это, конечно, «не имеет прямого отношения к терроризму. Но пересмотр ... политических законов показывает степень воздействия террористического дискурса на российское правовое поле» [11].

В свою очередь, навязываемая атмосфера страха, складывающаяся вокруг терроризма, отвечает желаниям и самим экстремистам, без нее терроризм становится обыкновенным преступлением.

Сложившееся общественное восприятие феномена терроризма не противоречит интересам как государственных структур, так и террористов. Для одних это создает широту поля действий в условиях «войны с терроризмом», для других — порождает общественные ажиотаж и истерию, сопровождает террористические акты в информационном пространстве. Таким образом, отсутствие четких дефиниций феномена терроризма определяет его социальную мобильность, а политико-дискурсивное значение — как ярко выраженное общественно-психологическое явление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыклин М. Террорологии. — Тарту ; М., 1992.
2. Терроризм и контртерроризм в современном мире : аналитические материалы, документы, глоссарий : научно-справочное издание / под общ. ред. акад. О. А. Колобова. — М. : Экслит, 2003.
3. Хоффман Б. Терроризм — взгляд изнутри. — М. : Ультра. Культура, 2003.
4. Поляничко Е. Г. Формирование международных режимов борьбы с терроризмом : автореф. дис. ... канд. полит. наук. — М., 2008 (<http://www.homeoffice.gov.uk/terrorism/threat/index.html>).
5. Головина В. Фрейлина Высочайшего двора // Тайны царского двора (Из записок фрейлин) : сборник / сост. И. В. Еремина. — М. : Знание, 1997.
6. Государственный архив Курской области. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 10113. — Л. 4.
7. Лотман Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман // Семиосфера. — СПб., 2000.

8. Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма : 2-я Междунар. конф. — М. : Экономика, 2004.

9. Сальников Е. Ф. Экстремизм : фантом медиакратии / Е. Ф. Сальников // Вестн. Моск. у-та. Сер. 12, Политические науки. — 2007. — № 6.

10. Реут О. Образ врага в антитеррористических дискурсах США и России / О. Реут; Евразийский дом — информационно-аналитический портал // www.netpolitics.ru/public.php?doc

11. Левинсон Л. Управление страной как антитеррористическая операция / Л. Левинсон // www.memo.ru/2007/01/29/doc101.htm

Воронежская государственная лесотехническая академия

Квасов О. Н., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и культурологии

kvasovoleg@yandex.ru

Voronezh State Forestry Academy

Kvasov O. N., Candidate of History, Associate Professor, Chair of History, Political Science and Culture Studies

kvasovoleg@yandex.ru